

**Нина
МОЛЕВА**

**Достоевский
и его женщины,
или Музы отложенного
самоубийства**

прикармливать ужей, которыми кищели и сад, и дом. По его рассуждению, сытый уж оставит в покое хо-
яев. Так у нас повсюду появились мисочки с моло-
ком. Ужи стали заметно толстеть и стараться побли-
же познакомиться с их кормильцами. Федору
Михайловичу они спокойно шли на руки, устраива-
лись на коленях, вокруг книг и рукописей на столе.

— Не знаю, как бы я смогла к этому привыкнуть.

— Я тоже. Но в нашем случае при появлении гост-
ей мы расставили мисочки в траве около дорожек,
по которым ходили гости. Ужи не замедлили по-
явиться да в таких количествах, что наши гости ки-
нулись наутек. О «поместье» пошла слава змеиного
гнезда, и нас, по счастью, оставили в покое.

— А ваша милая танцорка?

— А, Марья Дмитриевна! Она не участвовала в по-
добных набегах. Зато Федор Михайлович умудрился
заявиться в город, на квартиру Исаевых с редким по
красоте букетом — неслыханная роскошь для здеш-
них мест. Вот тут весь город и обратил на Исаевых и
пребывание в их доме Достоевского особое внимание.

— Да, это не Европа.

— Боюсь, что и в Петербурге подобные знаки
внимания не остались бы незамеченными.

— Адюльтер здесь...

— Он невозможен не для Семипалатинска — он
невозможен для Федора Михайловича.

— Но какой-то выход должен найтись, чтобы не
ухудшать положения Федора Михайловича. А как
же муж танцорки?

— Затрудняюсь дать ему портрет. Он неглупый
малый, даже несколько образованный, по здешним
меркам. Несколько лет назад, когда супруги пожени-
лись, вероятно, был недурен собой: об этом свиде-
тельствует внешность его шестилетнего сына. Он
постоянно объясняется в дружбе Федору Михайл-

вичу — и пьет. Со всех местных вечеров его увозят в лежачем положении. Мария Дмитриевна сгорает со стыда. Федор Михайлович мучается за нее.

— Странные обстоятельства для флирта.

— Боюсь, это не флирт. Это любовь. Очень большая, и для Федора Михайловича первая.

* * *

Врангель и сам толком не понимал, как сложилось это семипалатинское знакомство. Достоевский возвращался к жизни, как тогда говорили, «общественной» трудно. Постепенно. Тем более никогда не знал сибирских провинциальных нравов. Здесь все было по-особенному. Дремучая непросвещенность и самые высокие вершины цивилизации, культуры. Уголовники мешались с купцами, а рядом в еще худших условиях, окруженные подозрительностью, если не ненавистью полицейского начальства, политические каторжники, политические ссыльные. Лучшие из лучших, те, кому общие интересы, общее благо, идея равенства представлялись важнее собственного благополучия. Декабристы, проведшие в Сибири уже четверть века. Польские повстанцы. Участники просветительских кружков всех направлений. Редкое разнообразие «политических конфессий», как говорил Врангель.

И общество в том же Семипалатинске складывалось из разных кусочков мозаики. Дом Исаевых был случайным, куда привела Достоевского не столько необычность Марии Дмитриевны, ее остроту, живость, изящество — насколько они еще в ней сохранились. Скорее — семейная коллизия. Муж, с которым она приехала из родной Астрахани, из благополучного дворянского дома и на достаточно высокое чиновничье положение. И который не сумел пладить с местным начальством, «задрался», по словам

семипалатинских сослуживцев, и в пьяном приступе самомнения подал в отставку, оставшись без малейших средств к существованию. Начальство с удовольствием проучило строптивца. Последние деньги за два месяца безработицы исчезли полностью.

Марья Дмитриевна всем сердцем поддерживала амбиции нездачливого супруга. Отказалась от услуг служанки. Сама выполняла всю черную работу по дому. Сама стирала. Ходила на рынок в надежде на скрести лишнюю копейку. Кого-то пыталась просить о новом месте. Даже появлялась в эти недели на вечерах в знакомых домах, чтобы «выглядеть», чтобы доказать. И чувствовала всем существом издевательские смешки и уничтожающие взгляды. Особенно местных дам. С ней расплачивались за образованность — как-никак окончила хороший пансион, за умение держаться, за лишнее внимание, оказанное их же мужьями.

В их доме Федору Михайловичу все понятно. И — это его коллизия, его герой. Это как увидеть вживую ту, которая пройдет по многим его еще не написанным романам. В январе 1856 года он напишет брату Михаилу:

«Бог послал мне знакомство одного семейства, которое я никогда не забуду. Это семейство Исаевых, о котором я тебе, кажется, писал несколько, даже поручал тебе одну комиссию для них. Он имел здесь место, очень недурное, но не ужился на нем и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал о каком-нибудь другом месте. Жил он жалованьем, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-помалу они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали. Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, но и натура-то его была довольно беспоря-

дочная. Страстная, упрямая, несколько загрубелая. Он очень опустился в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества и много незаслуженных преследований. Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустился ужасно. А между прочим, это была натура развитая, добрейшая. Он был образован и понимал все, об чем бы с ним ни заговорить.

Но не он привлекал меня к себе, а жена его, Марья Дмитриевна. Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным великодушным сердцем. Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном. Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна. Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера я проводил в ее обществе. Я редко встречал такую женщину! С ними почти все раззнакомились, частию через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств. Наконец, ему вышло место в Кузнецке Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможне; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень незавиден. Но что было делать! Почти не было куска хлеба, а я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили поделиться о ними...»

Ф.М. Достоевский — М.М. Достоевскому.

Отъезд из Семипалатинска был унизительным и позорным. Телега с самым ничтожным домашним скарбом. Стиснувшая из последних сил губы женщина с прижавшимся к ней растерянным ребенком.

Хозяин, пьяный до беспамятства, которого закинули к остальным вещам. Федор Михайлович в жалкой солдатской шинельке рыдал навзрыд. Барон Врангель терялся, как и чем поддержать друга. Женщина с огромными трагическими глазами молчала. У нее давно уже не стало ни слов, ни слез.

Привычные встречи стали невозможными. Поездка для военнослужащего в соседний город не представлялась возможной. Разве только в порядке нарушения дисциплины и под угрозой слишком серьезных наказаний. Огромные подробные письма в Кузнецк. И коротенькие, будто через силу ответные записки.

Любила? Не любила? Ждала? Не видела нужды во встречах? Ни один вопрос не получал ответа. Но из этой не знавшей усталости и роздыха сердечной муки рождалась мука романа, которую поколение за поколением будут испытывать во всем мире. «Преступление и наказание». Катерина Ивановна Мармеладова. Через нее и проигранное на бумаге чувство к ней шел путь к самому известному произведению мировой литературы. Достоевского не обязательно любить. Пережитые им чувства становятся чувствами каждого человека. Острыми. Ранящими. Неизбыtnыми.

Солдата Достоевского посыпают в Барнаул. Он рискует всем и заворачивает в Змеиногорск, на полпути к Кузнецку. Они списались с Марьей Дмитриевной, но она не приедет. Обстоятельства! И всегда не в пользу Достоевского.

Возвращение к жизни

Любимое времяпрепровождение было, когда мы в теплые вечера растягивались на траве и, лежа на спине, глядели на мириады звезд, мерцавших из синей

глубины неба. Эти минуты успокаивали его. Созерцание величия Творца, всеведомой, всемогущей Божеской силы наводило на нас какое-то умиление...

А.Е. Врангель о Достоевском

Отъезд Исаевых в отстоявший в пятистах верстах от Семипалатинска крохотный Кузнецк, в представлении друзей и прежде всего А.Е. Врангеля, решал болезненную для Федора Михайловича ситуацию. Реальным обстоятельствам ничего нельзя было противопоставить. Казалось... Тем более встречи с Марией Дмитриевной срывались одна за другой или она их и не искала. В конце концов, чем могла помочь в новых условиях и среди новых людей дружба с никому неизвестным здесь ссылым? К тому же через два месяца не станет Исаева — болезнь то ли печени, то ли почек сведет его в могилу. Мария Дмитриевна в отчаянии пишет об этом Достоевскому, а пока ей не на что похоронить мужа, если бы не кто-то из кузнечан, незаметно и безымянно подсунувших ей три рубля. Для таких нищих, как у Исаевых, похорон этого достаточно. И вот здесь в жизни Марии Дмитриевны возникают «особые обстоятельства».

В то время как Федор Михайлович ломает голову над тем, как и на что будет жить молодая вдова, у Марии Дмитриевны появляются влиятельные друзья и покровители — Иван Миронович и Анна Николаевна Катанаевы, семья ни много ни мало окружного исправника. Благодаря их поддержке Мария Дмитриевна завязывает знакомство с целым рядом семей. Она осваивается в маленьком городе и словно охлаждает к старому семипалатинскому другу. В ее жизни появляется только что назначенный учителем рисования в местное уездное училище молоденький Николай Борисович Вергунов. Учитель завязывает сначала самые добрые отношения с ее сыном Пашей, а

затем делает предложение матери: двадцативосьмилетней вдове, без состояния и средств к существованию. Если подобный брак состоится, его единственной основой станет нищенское жалованье Вергунова. В полной нерешительности Мария Дмитриевна обращается за советом — к Федору Михайловичу.

За советом? Но ей ли нужен подобный совет! Скорее, она делает попытку вызвать на объяснение Достоевского и, в таком случае, добивается своего. Забыв обо всех возможных административных осложнениях, Федор Михайлович по дороге в Барнаул «заворачивает» в Кузнецк. Да, он еще никогда не знался о браке, да и не мог этого сделать до выхода в отставку. Но он не был бы самим собой, если бы начал бороться с соперником. Напротив. Достоевский предоставляет решение самой Марии Дмитриевне, приводя только определенные «резоны» неосмотрительности подобного поступка.

Со своей «великой человечностью», по выражению А.Е. Врангеля, он признает, что жизнь без поддержки, вне брака для молодой женщины с подрастающим сыном невозможна. Но ведь и молоденький учитель рисования не может служить серьезной поддержкой. С одной стороны, он умоляет едущего в Омск по делам Врангеля пытаться выхлопотать для Вергунова хоть сколько-нибудь более доходное место. С другой — в Кузнецк летит письмо, адресованное сразу обоим — предполагаемым жениху и невесте: «Будь он хоть раз идеальный юноша, но он все-таки еще не крепкий человек. А он не только не идеальный, но... Я представил все, что может произойти от неравного брака... А он истинно по-кузнецки и глупо принял себя за личность, и за оскорблечение — дружескую, братскую просьбу мою (ибо он сам просил у меня и дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину

для своего счастья; ибо ему 24 года, а ей 29, у него нет денег, определенного в будущности и вечный Кузнецк».

Май 1855 года — перевод Исаевых в Кузнецк.

Август 1855-го. Смерть Исаева.

Октябрь 1856-го. Производство Достоевского в прапорщики.

6 февраля 1857 года — венчание Достоевского с Исаевой.

17 апреля 1857 года — указ о возвращении Достоевского и другим петрашевцам всех прав, в том числе дворянства.

Такой сжатый и такой труднейший для Достоевского период. Вопрос любви или нелюбви, душевной преданности или расчета. Каждый из друзей тех лет решал его по-своему и, наверное, в чем-то был прав.

Не где-нибудь — на тихих улицах Кузнецка рождались взаимоотношения действующих лиц и ситуации будущих самых ярких романов Достоевского. Да, они втroeem с красавчиком Вергуновым и будущей женой обсуждают вопрос брака Марии Дмитриевны. Любая женщина сочла бы это расчетливым ходом со стороны невесты, боящейся за свое будущее. Игра в благородство двух претендентов, где за благородством стоит отчаяние и страх рокового, как кажется, для всей последующей жизни проигрыша. Учитель Вергунов отступает перед прапорщиком Достоевским — в таком варианте они становятся несопоставимыми величинами. Но ведь единственным важным остается вопрос: стремилась ли Мария Дмитриевна к браку с этим нелегким — в этом она отдавала себе отчет — измученным жизнью и больным человеком. Понимала ли она меру его таланта? Знала ли вообще о его существовании? Или ограничивалась связью с другим, большим и недоступным ей миром, куда без него и тем более с Вергуновым

она бы не попала никогда. В чем ее можно подозревать, а в чем подозревать бессмысленно, исходя из ее натуры?

Когда-то, сразу по выпуске из училища приятели старались познакомить молоденького инженера-прапорщика с семейными домами Петербурга. Достоевский отчаянно сопротивлялся, говоря, что в одном из таких домов его непременно женят на француженке, чего он меньше всего хочет. Мария Дмитриевна Исаева, в девичестве Александра Мария Констан, была француженкой по отцу. И по складу характера. Расчет не мешал ей по-настоящему любить, а ревность должна была всегда поддерживать чувства любимого человека. Но это относится только к французской составляющей ее характера.

* * *

Из воспоминаний шестнадцатилетней свидетельницы о венчании господина Достоевского и Марьи Дмитриевны Исаевой:

«За народом едва можно было протолкаться вперед. Конечно, присутствовало в церкви и все лучшее кузнецкое общество — Анна Николаевна их всех пригласила. Дамы были все разряжены. В церкви — полное освещение. Сначала, как водится, приехал

жених. Конечно, внимание всех на него обратилось. И я смотрела с любопытством: хоть и было мне только лет 16, но я слышала, что он непростой человек — писатель. Он, помню, был уже немолодой, лет тридцати восьми; довольно высокий, — выше, пожалуй, среднего роста... Лицо имел серьезное. Одет он был в военную форму, хорошо, и вообще был мужчина видный. Жениха сопровождали два шафера: учитель Вертунов и чиновник таможенного ведомства Сапожников. Скоро прибыла невеста, также с двумя шаферами. Одним из них был сам исправник Иван Миронович Катаева. Худенькая, стройная и высокая, Мария Дмитриевна одета была очень нарядно и красиво, — хоть и вдовушка. Венчал священник отец Евгений Тюменцев... Были и певчие...» Вторым шафером невесты был ее домовладелец — больше знакомых у молодых, по сути, не было. Все расходы на свадьбу, как и на наряд невесты, взяла на себя Анна Николаевна Катаева. Она лучше всех знала: у молодых не было за душой ни гроша.

Все было «как у людей» — Катаевы продумали все мелочи. Свадебное застолье. Обстановка праздника. Домик по Полицейской улице, № 40, — всего-то две крохотные комнатки с передней-коридорчиком и кухонькой. Натертые полы. Непременные горшки с фуксиями. Круглый стол для чаепитий. И столик для самовара. Большие настенные часы в резном футляре и под стеклом. Керосиновая лампа со стеклянным абажуром. Олеографии на стенах — непременная крестьянская свадьба и охота на волков. Слишком тяжелые, «несgrabные» стулья, как называли их в здешних местах на польский манер. Под самый потолок стеклянная горка с посудой.

Может быть, на деле все было скучнее и проще. Но где-где, а в Кузнецке с первых же дней Октябрь-

ского переворота чтили Достоевского. Пока «центр» разбирался, что его устраивает и что не слишком устраивает в наследии писателя, в 1918 году Второй Кузнецкий уездный съезд солдатских и крестьянских депутатов принял решение обувековечении памяти Достоевского, «отбывавшего ссылку в Кузнецке». Единогласно было принято решение «в доме, где жил Достоевский, организовать мемориальную комнату и библиотеку-читальню». Имя же писателя еще в 1901 году было присвоено именно этой самой Полицейской улице.

Отдавая дань существовавшей легенде о том, что был Достоевский заключен в местной крепости, депутаты решили поместить на камере № 5 памятную доску. Но ведь ни одна историческая легенда не рождается из воздуха, тем более с такими подробностями, и кто знает, что еще предстоит открыть историкам в отношении кузнецкого периода в жизни Достоевского!